

БЭТА
Джейн

МАЖОР

на районе

Бэта Джейн

Мажор на районе

«Литнет»

2026

Джейн Б.

Мажор на районе / Б. Джейн — «Литнет», 2026

Я разрисовала его машину, чтобы доказать, что его глянцевый мир хрупок. Но совсем не ожидала, что он предложит сделку. Теперь я стала его «гидом по реальной жизни», а он — моим шансом на легальное искусство. Наш вынужденный союз — смесь шантажа, любопытства и болезненного притяжения — превращается в совместный проект. Но сможет ли он, привыкший всё покупать, и я, умеющая только бунтовать, спасти общее дело? И где та грань, когда заканчивается манипуляция и начинается настоящее чувство? Книга пишется в рамках Литмоба Заноза для мажора

© Джейн Б., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Мой мир пахнет краской, свобода — запах немного химический, но честный. Он не притворяется парфюмом или свежестью. Он пахнет действием. Сейчас пахнет особенно сильно — я сижу на корточках в своей «мастерской», она же — заброшенный гараж на задворках промзоны, и свожу в столбик последние банки. Завтра закупка. Свет от свисающей с потолка лампы на удлинителе выхватывает из темноты разноцветные брызги на бетоне и мои запачканные в пятнах краски кисти рук.

— Кара, ты вообще спишь когда-нибудь? — голос Лены, моей подруги и по совместительству главной по тревоге, доносится из динамика телефона, который я поставила на ящик с инструментами.

— Сон — это для тех, у кого скучные дни. Я свои проживаю наяву, — бурчу я, тыча пальцем в экран, чтобы переключить трек. Грохочущий бит заполняет пространство, вытесняя тишину ночи за стенами.

— Наяву у тебя через три дня дедлайн по тому муралу для кафе, а ты, как я понимаю, даже эскиз не допилила.

— Эскиз — у меня в голове. Он там живет, развивается. На стену он придет готовым, как озарение.

Лена вздыхает. Этот вздох я слышу даже сквозь музыку. Она учится на менеджера, верит в планы и таблицы. Я люблю ее за это. Она — мой якорь в мире, который я так люблю раскачивать.

— Окей, мисс Озарение. А чем планируешь вдохновляться сегодня? Опять пойдешь на крыши?

— Что-то вроде того, — уклончиво отвечаю я.

Правда в том, что вдохновение пришло днем, в виде идеально-мерзостного зрелища. Я сокращала путь через элитный жилой комплекс — тот самый, что как гладкий, стерильный пузырь вырос посреди нашего колоритного, обшарпанного района. И увидела Его. Нет, не его самого, а его новую игрушку, Ferrari. Кроваво-красная, блестящая, она стояла под балконом, словно вызов, брошенный в лицо серой реальности. Рядом, прислонившись к стене, курили двое в темных костюмах — телохранители, живые таблички «не подходи». А в окне на третьем этаже горел свет, и силуэт — высокий, с правильной осанкой — мелькнул за стеклом. Хозяин. Мажор. Продукт этой тепличной, вылизанной жизни.

Меня вдруг дико, до тошноты, передернуло от всей этой картинки. От этого разделения. Они — в своих пузырях, мы — снаружи. Их мир охраняют, наш — закрашивают серой муниципальной краской. Злость, острая и горькая, подкатила к горлу. Тут же, следом — идея. Острая, как лезвие.

Вечером мы собрались у Глеба, в его квартире-студии, заваленной холстами и гитарными усилителями. Дым сигаретного, запах пива и азарт в воздухе.

— И что, просто так взяла и решила? — флегматично спросил Витя, наш местный философ и бас-гитарист. Он смотрел на меня, будто я объявила о походе в магазин, а не на акт вандализма против полумиллиона долларов.

— Не «просто так». Это жест. Послание, — сказала я, чувствуя, как адреналин уже начинает щекотать кончики пальцев. — Он прячется за своими стенами и своими охранниками. Думает, его жизнь неприкосновенна. Я хочу показать, что это не так. Что его глянцевого мир — он хрупкий. На нем можно рисовать.

Лена закатила глаза.

— Кара, тебя поймают. У них там камеры, сигнализации, эти люди в костюмах. Тебя размажут по асфальту, а потом посадят. Или того хуже — его папаша-олигарх просто сделает так, что тебя никто и никогда не найдет.

— А я не буду попадаться, — сказала я с уверенностью, которой не чувствовала. Но блеск в глазах у Глеба, который уже представлял себе эту картину, поддерживал меня. — Спорим, я это сделаю? И не просто мазну, а сделаю арт. На весь капот, и уйду до того, как они моргнут.

— На что спорим? — спросил Витя.

— На месяц бесплатного кофе для всех от проигравшего, — выпалила я.

— Идет, — хором сказали они.

Лена молчала. Потом вздохнула снова, тем самым своим вздохом.

— Я твой алиби. Скажу, что мы всю ночь смотрели сериалы у меня. Только, ради всего святого, надень темное и маску. И шапку. И не бери свой обычный набор красок, купи новые, одноразовые.

План был безумием. Чистой воды. Но именно это и манило. Не украсть, не разбить — преобразить. Взять символ его закрытого, недоступного мира и сделать его своим холстом. Взломать не сигнализацию, а восприятие.

И вот я здесь. Не на крыше, а в тени разлапистых кустов, отделяющих парковку от забора. В черных узких джинсах, черной толстовке с капюшоном, черных перчатках. В рюкзаке — три баллончика: флуоресцентный розовый, кислотно-зеленый и чистейший белый. Маска-балаклава прилипла к лицу. Сердце колотится так громко, что, кажется, его должно быть слышно из окна того самого третьего этажа.

Машина стоит там, где и была. Как драгоценный камень в оправе из асфальта. Охранников не видно. Возможно, в машине. Возможно, пьют чай где-то внутри. Мне нужно пять минут. Максимум.

Я выдыхаю весь воздух, будто ныряю, и делаю первый шаг из тени.

Асфальт под ногами внезапно кажется очень громким. Каждый шаг — это взрыв. Я подхожу к машине. Близко. Так близко, что вижу в глянцевом красном лаке свое искаженное, замаскированное отражение. Палец на кнопке баллончика. Флуоресцентный розовый.

Это для твоего стерильного мира, — думаю я. Это для наших серых стен, которые ты никогда не видишь.

Первая линия ложится на капот — дерзкая, кричащая, невероятно живая. Звук распыляемой краски — мой личный гимн неповиновения. Страх отступает, смывается волной чего-то большего. Азарта. Экстаза. Я перестаю думать о камерах, об охранниках. Есть только я, металлическая поверхность и картина, рождающаяся под моей рукой. Это не просто вандализм. Это портрет. Портрет хрупкости. Из розовых и зеленых линий складывается лицо — не его, а некое общее, маскообразное, с одной закрытой глазницей (белый цвет, символ слепоты). А из глазницы, будто наружу, пробивается дикий, неуправляемый росток-граффити, маленькая частичка нашего реального, нелакированного мира.

Я закончила. Отступила на шаг. В свете уличного фонаря рисунок светился, словно живой. Он был дерзкий, странный и красивый. Моя злость выплеснулась и превратилась в нечто иное. В заявление. И тут скрипнула дверь подъезда.

Адреналин ударил в голову, как молоток. Я рванула с места, не оглядываясь, в сторону забора, в темноту. За спиной послышались крики, тяжелые шаги. Но я уже была в своей стихии — в ночи, в хаосе переулков, где меня не найти.

Добежав до безопасного места, за угол старого склада, я сорвала маску, жадно глотая холодный воздух. Руки дрожали, но на губах играла дикая, безумная улыбка. Получилось! Я сделала это!

В кармане завибрировал телефон, Лена.

— Ну что?!

— Спор выигран, — выдохнула я, все еще не веря. — Кофе — за вами целый месяц.

— С ума сойти, — прошептала она в трубку. — Ты жива?

— Жива. И более того... я чувствую себя нереально.

А вот и наша хулиганка, Карина

Глава 2

Неделю мы просиживали в нашем подвальчике-кафе «У Гоги», хватая утром капучино и круассаны. Каждый раз, когда Глеб ставил на стол очередной поднос, он поднимал свою кружку в ироничном тосте.

— За нашу Карину-ниндзю! Распространителю красок и справедливости!.

Мы смеялись, но внутри меня все еще вибрировало то ночное напряжение. Как после очень крутого, очень опасного аттракциона.

Я избегала того района. Обходила его за три километра, словно там карантинная зона. Лена бдительно мониторила местные паблики и новости — ни слова о разукрашенной Ferrari. Никаких обращений в полицию, никаких возмущенных постов от жильцов. Тишина. Это было странно. Я ожидала взрыва, скандала, охоты на ведьм. А получила — ничего. Как будто мое послание упало в черную дыру. Это задевало сильнее, чем любое наказание. Значит, его мир был настолько непробиваем, что даже такой яркий плевок в его сторону не вызвал ни трещины?

Через пять дней я почти убедила себя, что пронесло. Что мажор просто списал ущерб на страховку, заказал новую машину (или три) и благополучно забыл. Даже начала работать над эскизом для кафе, вырисовывая на планшете плавные линии.

Возвращалась от Глеба поздно, одна, с наушниками в ушах. Музыка заглушала мир, и я пропустила момент, когда тени от двух высоких фигур перекрыли свет от фонаря. Я чуть не врезалась в них.

— Извините, — пробормотала я автоматически, пытаюсь обойти.

Один из мужчин, широкоплечий, с каменным лицом, сделал шаг, преграждая путь. Второй остался чуть сзади, блокируя отступление. Паника, холодная и знакомая, тут же сжала горло. *Охранники.*

— Карина Смирнова? — спросил тот, что впереди. Голос был ровный, без эмоций, как у диктора, объявляющего остановки.

Я молчала, бешено соображая. Отрицать? Бежать? Кричать?

— С вами хотел бы поговорить Руслан Киселев, — продолжил он, как будто предлагал чашечку чая.

— Я... я не знаю такого, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Он уверен, что вы знакомы, — мужчина сделал едва заметный жест головой в сторону темного внедорожника, припаркованного чуть поодаль. Его окна были тонированы в угольную черноту. — Он просил передать, что очень впечатлен вашим художественным талантом. И хочет обсудить возможность сотрудничества.

Сотрудничества. Слово повисло в холодном ночном воздухе, такое абсурдное, что у меня даже отлегло от сердца. Это была ловушка. Стопроцентно. Но какая-то странная.

— Если я откажусь? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. В его взгляде не было угрозы. Была лишь профессиональная, леденящая пустота.

— Господин Киселев просил быть крайне настойчивыми, — сказал он просто. В его тоне прозвучало не «мы тебя затащим силой», а «у нас есть инструкция стоять здесь до утра, если понадобится.»

Любопытство — опасная, чертова штука. Оно начало перевешивать страх. Что за человек этот Руслан Киселев? Почему не вызвал полицию? Что значит «сотрудничество»? И главное — как он меня нашел? Улица была пустынна, звать на помощь было бесполезно. Да и что я скажу? «Помогите, меня приглашают на собеседование»?

— Хорошо, — сказала я, к собственному удивлению. — Но ненадолго.

Меня не обыскивали, не связывали. Просто проводили к внедорожнику. Задняя дверь открылась сама собой. Внутри пахло кожей и чем-то дорогим, едва уловимым — может, дере-

вом, может, деньгами. В полумраке салона, подсвеченный мягкой голубой подсветкой, сидел Руслан Киселев.

Он был не таким, как я представляла. Не карикатурным мажором в розовых штанах. Он был в темном кашемировом свитере, дорогих, но простых джинсах. Лицо — четкое, с правильными, почти холодными чертами. Не красивый, но значительный. Таким бывают памятники или горные пики. А его глаза. Они изучали меня с таким пристальным, аналитическим интересом, будто я была не живым человеком, а сложным, незнакомым механизмом.

— Садитесь, пожалуйста, Карина, — сказал он. Голос был тихим, спокойным, без тени насмешки или злости. В этом было что-то пугающее. Он не кричал. Он наблюдал.

Я села, стараясь держаться как можно дальше. Дверь закрылась с мягким щелчком, отсекая внешний мир. Мы остались в этой капсуле тишины и напряжения.

— Вы удивительно... оперативно нашли меня, — сказала я первой, чтобы нарушить этот гнетущий покой.

— У моего отца хорошие связи в городских службах. Камеры наблюдения в соседних дворах дали достаточно четкое изображение. Девушка определенного роста, телосложения, с характерной манерой двигаться. Дальше — дело техники и людей, которые умеют задавать правильные вопросы в нужных местах, — объяснил он, как будто рассказывал о процессе сборки мебели.

— И что теперь? Вызываете полицию? Или ваши «люди, умеющие задавать вопросы», сейчас займутся мной? — я нарочно сделала голос дерзким, но внутри все съезжилось.

Он наклонил голову, рассматривая мои запачканные краской руки, потом мое лицо.

— Полиция — это скучно и неэффективно. Тысяча евро штрафа, может, пару месяцев исправительных работ. Это ничего не изменит. Вы выйдете и нарисуете на следующей машине. Потому что вам скучно. Потому что вам нужно бунтовать, — он говорил так, будто читал мои мысли. — А насилие... насилие — это примитивно. И, как правило, приводит к эскалации. Я не хочу, чтобы вы разрисовали еще что-нибудь. Я хочу понять.

— Понять? — не поверила я.

— Да. Что заставляет человека рисковать свободой ради того, чтобы оставить цветной след на куске металла, который ему не принадлежит? — в его глазах вспыхнул искренний, неподдельный интерес. Это было даже страшнее, чем гнев.

— Может, это не просто кусок металла? Может, это символ? — выпалила я. — Символ всего, что отгорожено, вылизано и недоступно. Я просто... сделала его доступным. Нанесла на карту вашего идеального мира точку из моего.

— Вы знаете, что перекрасить эту «точку» будет стоить больше, чем вы, вероятно, зарабатываете за год?

Меня передернуло от его тона.

— Вот о чем вы думаете? О деньгах? — я фыркнула. — Я же говорю, вы не понимаете. Это не про деньги. Это про то, чтобы быть замеченным. Чтобы оставить след. Ваш мир старательно затирает все наши следы. Я просто вернула долг.

Он помолчал, глядя в темное окно. Потом повернулся ко мне.

— Я предлагаю сделку, Карина.

Я замерла.

— Вместо полиции, вместо возмещения ущерба, который вы все равно не сможете выплатить... вы дадите мне что-то другое. Свое время, и свои знания.

— Какие знания? — прошептала я.

— Вы знаете город. Настоящий. Не тот, что в глянцевых буклетах. Вы знаете, как в нем исчезнуть. Как быть невидимым. Как жить вне... этого, — он жестом обвел салон автомобиля. — Вы мой «Том Сойер». Я хочу увидеть ваши заборы. Я хочу понять, что движет людьми,

которые рисуют на стенах, а не покупают картины в галереях. Которые слушают музыку в подвалах, а не в филармонии. Вы станете моим гидом. На месяц.

Я смотрела на него, открыв рот. Это было самое безумное предложение в моей жизни.

— А что я получу? — спросила я автоматически.

Он улыбнулся. Впервые. Улыбка не дошла до глаз, но изменила все его лицо, сделала его почти человеческим.

— Во-первых, вы избежите проблем с законом. Во-вторых... я открою вам мир, где можно рисовать легально. Стены, холсты, целые здания. Где ваше искусство будут видеть тысячи, а не только я и пара охранников. Где за него будут платить. Очень хорошо платить.

Сердце у меня упало и тут же взлетело куда-то к горлу. Это была ловушка. Сладкая, блестящая, невероятная ловушка.

— Вы хотите купить меня, — сказала я плоским тоном.

— Я хочу обменяться с вами, — поправил он. — Месяц моей жизни в вашем мире на возможность для вас — войти в мой. На моих условиях. Без вандализма.

Внезапно дверь со стороны водителя приоткрылась, и телохранитель что-то тихо сказал. Киселев кивнул.

— Мне пора. Вы свободны. Подумайте. У вас есть сорок восемь часов. Если согласитесь — будьте здесь, на этом же месте, послезавтра в десять вечера. Если нет... — он пожал плечами, — ну, тогда мы вернемся к скучному варианту с полицией. Но, думаю, вам интересно. Как и мне.

Дверь открылась, впуская внутрь холодный воздух и звуки улицы.

Я вышла, как во сне. Внедорожник тихо тронулся и растворился в ночи. Я стояла одна посреди тротуара, обхватив себя руками, пытаясь понять, что только что произошло.

Он не был тем, кого я ожидала. Он был хуже. Или лучше. Он был умным. И ему было интересно. А это — самый опасный вид мажора из всех возможных.

Глава 3

Я рассказала Лене. Сидели у неё на кухне, под жужжание холодильника, и пили дешёвое вино, которое на вкус было похоже на уксус с ягодными нотками. Выложила всё, с самого начала, с того момента, как тени перекрыли свет фонаря. Лена слушала, не перебивая, лицо её становилось всё более каменным.

— ...и он сказал, «ваш мир» и «мой мир», как будто мы с разных планет, — закончила я, делая последний глоток. Винная кислота обожгла горло.

Лена медленно поставила свой бокал на стол. Звук был громким в тишине.

— Ты с ума сошла, — сказала она без всяких эмоций.

— Возможно.

— Карина, это не игра. Это не твой очередной бунт на заборе. Этот человек... Он не просто богатый парень. У него отец — Киселев. Тот самый. Ты понимаешь, какие у них ресурсы? Они не играют по нашим правилам. Они их пишут.

— Он не похож на маньяка, — слабо возразила я, вспоминая его спокойный, изучающий взгляд. — Он... любопытный.

— Хуже! — Лена ударила ладонью по столу. — Маньяка можно предсказать. А что предсказать в человеке, которому «интересно»? Он устал от своего золотого корыта, ему захотелось острых ощущений, пощекотать нервы в «опасных» районах с местной пацанкой-художницей. А что будет, когда он наиграется? Когда поймёт, что грязь пачкает, шум раздражает, а люди из нашего «мира» слишком простые и скучные? Он просто щёлкнет пальцами, и всё исчезнет. А ты? Ты останешься с разбитым сердцем, испорченной репутацией и, скорее всего, с какими-нибудь серьёзными проблемами. Он сказал «скупой вариант с полицией». А знаешь, какие у них ещё есть варианты?

Я знала. Я всё это сама себе уже прокрутила в голове тысячу раз. Но было что-то ещё. Не просто любопытство с моей стороны. Это был вызов. Самый большой вызов в моей жизни.

— А если он честен? — выдохнула я. — Если это правда обмен? Он увидит мои граффити-дворы, я получу заказ на целую стену какого-нибудь лофта...

— Ты веришь в сказки, Кара, — грустно покачала головой Лена. — В сказках принц спускается в подземелье, чтобы спасти принцессу. В жизни он спускается, чтобы сделать селфи на фоне нищеты, а потом подняться обратно в свой лифт. И ты будешь тем самым колоритным фоном.

Мы говорили ещё час. Спорили, почти ссорились. Лена предлагала уехать к её тёте в другой город на время, залечь на дно. Но бегство — это не про меня. Это было бы признанием, что он меня победил, напугал.

Когда я шла домой, в голове стучал только один вопрос: *А что, если?*

Что, если это шанс? Не шанс «войти в его мир» — нафиг мне их коктейли и смокинги. А шанс показать этому мажору, что его «реальный мир» — бутафорский. Что настоящая жизнь, со всей её грязью, болью, неидеальностью и дикой, неподдельной красотой — вот она, за окном его бронированного внедорожника. И что искусство рождается не в стерильных студиях, а здесь, в трещинах асфальта, на ржавых гаражах, в сердцах тех, кому есть что кричать.

Эта мысль зажглась во мне, как тот самый флуоресцентный розовый. Это была бы моя самая масштабная, самая дерзкая работа. Не на капоте машины. А в голове у Руслана Киселёва.

Следующие сорок часов тянулись как смола. Я не могла ни есть, ни спать, ни рисовать. Руки сами тянулись к баллончикам, но я их останавливала. Всё было окрашено в тень от его решения. Я металась по квартире, включала громкую музыку, чтобы заглушить внутренний диалог, но он звучал ещё громче.

В назначенный вечер я стояла перед зеркалом в своей камерке. Надела чёрные узкие джинсы, простую серую футболку, кожаную куртку с потёртостями — свою обычную униформу. Никаких уловок. Я не собиралась притворяться. Если он хочет увидеть мой мир, пусть видит его таким, какой он есть. На мне.

В девять пятьдесят я уже была на том самом тротуаре. Ветер гнал по асфальту обрывки бумаги и пыль. Я чувствовала себя идиоткой. Наивной, поверившей в сказку про Золушку наоборот. Каждый проходящий человек казался подосланным, каждое окно — глазом с камеры.

Ровно в десять из темноты, беззвучно, как призрак, выплыл тот же внедорожник. Он остановился, задняя дверь открылась. Внутри было темно. Сделав последний глубокий вдох свободы, я шагнула внутрь.

Его не было. Напротив меня сидел тот самый телохранитель с каменным лицом.

— Господин Киселев ждёт вас в другом месте, — сказал он. — Правила. Вы надеваете это. — Он протянул мне чёрную повязку на глаза из мягкой, но плотной ткани.

В груди всё сжалось. Вот она, правда. Глупо, Карина, глупо. Теперь ты в полной власти.

— И если я откажусь? — спросила я, но голос прозвучал слабее, чем хотелось.

— Тогда мы отвезём вас домой. И господин Киселев сочтёт, что вы отказались от его предложения.

Вариант «скупой полиции» висел в воздухе неозвученной, но очевидной альтернативой.

Я взяла повязку. Ткань была тёплой, шелковистой. Абсурдная роскошь даже для такого аксессуара. Я надела её. Мир погрузился в кромешную тьму. Обострились другие чувства: запах кожи салона, лёгкая вибрация двигателя, мягкое движение машины. Пыталась считать повороты, чтобы понять, куда мы едем, но быстро сбилась. Мы кружили, сворачивали, останавливались на светофорах. Казалось, прошла вечность.

Наконец, автомобиль остановился. Дверь открылась, меня мягко взяли под локоть и помогли выйти. Под ногами хрустел не асфальт, а что-то другое — гравий? Щебень? Пахло сыростью, бетоном и далёким запахом реки.

— Можно снять, — сказал голос телохранителя.

Я стянула повязку. Мы стояли на огромной заброшенной фабричной территории. Гигантские корпуса из красного кирпича с пустыми глазницами окон упирались в низкое, затянутое облаками небо. Где-то вдалеке горел одинокий фонарь, отбрасывая длинные, искажённые тени. Было пустынно, тихо и по-своему величественно.

Передо мной, в тёмном пальто, стоял Руслан. Он смотрел на гигантскую, покрытую граффити стену одного из цехов. Рисунок был старый, облупившийся, но в нём ещё угадывалась ярость и масштаб.

— Где мы? — спросила я, не в силах сдержаться.

Он обернулся. При свете того далёкого фонаря его лицо казалось вырезанным из мрамора.

— Промзона «Красный Октябрь». Вернее, то, что от неё осталось. Собственность одного холдинга. В том числе и моего отца, — сказал он просто. — Это первое место в нашем туре.

Он подошёл ближе. Его глаза в полумраке казались совсем тёмными.

— Вы пришли. Значит, согласны на условия?

— На обсуждение условий, — поправила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сначала я хочу знать правила. Настоящие.

Он едва заметно улыбнулся.

— Хорошо. Правила. Первое: на время наших «экскурсий» вы отвечаете за мою безопасность в вашей среде. Я буду делать то, что вы скажете. Второе: никаких записей, фотографий, упоминаний в соцсетях. Третье: полная конфиденциальность с обеих сторон. Четвёртое: месяц — это испытательный срок. Если по итогам я решу, что это была пустая трата времени, сделка

аннулируется, и мы возвращаемся к исходной точке. Если решу, что нет... вы получите свою первую легальную стену. Здесь.

Он кивнул на огромное, пустое пространство стены перед нами. Оно было размером с многоквартирный дом.

Меня перехватило дыхание. Это было невероятно. Само место, его энергия, этот масштаб. Мечта любого стрит-арт художника.

— А что вы хотите увидеть? — спросила я, отрывая взгляд от стены.

— Всё, — ответил он. — Где и как живут люди, которые рисуют на стенах. Где они слушают музыку. О чём говорят. Чего боятся. О чём мечтают. Я хочу понять логику хаоса. Науку спонтанности.

Он говорил как учёный, собирающийся исследовать неизвестный вид.

— Хорошо, — сказала я. — Но будет и моё правило. Вы приходите таким, какой есть. Никаких переодеваний в рваные джинсы, чтобы «слиться». Вы не сливаетесь. Вы будете как белая ворона, и вы должны это принять. Потому что именно так вы и будете выглядеть в моём мире. Люди будут относиться к вам соответственно.

Он задумался на секунду, затем кивнул.

— Честно. Принимаю. Когда начинаем?

— Прямо сейчас, — сказала я, и внутри что-то щёлкнуло, перейдя в режим действия. — Первый урок: как быть невидимым на виду. Следуйте за мной и повторяйте всё, что я делаю.

Я повернулась и пошла не к выходу с территории, а вглубь, в лабиринт разрушающихся цехов. Через пару шагов я обернулась. Руслан шёл за мной, его дорогие ботинки скрипели по щебню. Он шёл слишком прямо, слишком уверенно. Как солдат на параде.

— Шаг первый, — сказала я, не останавливаясь. — Расслабьте плечи. Ссутультесь. Вы не идёте, вы движетесь. Вы часть потока, даже если потока нет. Не смотрите по сторонам как владелец. Смотрите как... как тот, кто просто хочет пройти незамеченным.

Он попытался изменить походку. Вышло неестественно, почти комично. Но он старался. В этом, в этой его попытке повторить что-то для него абсолютно чуждое, было что-то... завораживающее.

Начинался дождь. Мелкий, холодный. Я застегнула куртку и ускорила шаг. Наша первая ночь в «моём мире» только начиналась.

Знакомимся с Кариной ближе

Глава 4

Мы шли вдоль глухой кирпичной стены, за которой начинались уже обычные спальные кварталы. Дождь моросил, превращая граффити на кирпичах в расплывчатые акварельные пятна. Я шла быстро, привычно обходя лужи и разбитый асфальт. Руслан держался позади, и я чувствовала его взгляд на своей спине. Пристальный, изучающий.

— Куда мы идем? — спросил он. Его голос прозвучал слишком громко в тишине промзоны.

— Тише, — бросила я через плечо, не сбавляя шага. — Или вы думаете, ваши охранники ушли? Они где-то рядом, на расстоянии, да?

Он промолчал, что было ответом.

— Вот это и есть первая проблема. Вы не можете быть невидимым, если за вами тянется шлейф из людей в наушниках.

— Они не подойдут, если я не подам сигнал.

— Не в этом суть. Суть в энергии. Вы излучаете энергию человека, за которым следят. Это чувствуется. Как пахнет деньгами или страхом.

Я свернула в узкий проход между двумя гаражами. Здесь было темно, пахло сыростью и кошачьей мочой. Я скользнула в тень, прислонившись к холодной стене. Руслан остановился в нерешительности на краю светового круга от одинокого фонаря.

— Что вы делаете?

— Жду, — сказала я. — Подойдите сюда. В тень.

Он сделал неловкий шаг, потом еще один. Его силуэт вырисовался рядом. Он стоял слишком прямо, слишком напряженно.

— Расслабьтесь. Вы же не на стрельбище. Прислонитесь к стене. Сложите руки. Смотрите не прямо перед собой, а куда-нибудь в сторону, в землю, но будьте начеку. Вот так. Вы теперь не цель. Вы — часть пейзажа. Скамейка, тень, мусорный бак. На вас не обратят внимания.

Я видела, как он пытается сделать то, что я говорю. Его плечи опустились, он скрестил руки на груди, откинул голову. Но это была поза из глянцевого журнала «Как выглядеть задумчиво и стильно в плохом районе». Он не растворялся. Он выделялся, как алмаз в куче угля.

— Не получается, — констатировал он через минуту, и в его голосе впервые прозвучала не раздражение, а досада.

— Потому что вы играете роль. Вы думаете: «сейчас я буду выглядеть как местный». А нужно не выглядеть, а быть. Не думать об этом вообще.

— Как это — не думать?

Я вздохнула.

— Ладно. Забудьте про невидимость. Просто идите за мной, и запоминайте дорогу.

Я вышла из тени и двинулась дальше. Мы вышли на пустынную улицу с обшарпанными пятиэтажками. В одном из подъездов горел тусклый свет, из открытого окна на втором этаже доносился звук телевизора. Обычная, сонная жизнь.

— Куда сейчас? — спросил он снова.

— Вы слишком много спрашиваете. Люди, которые здесь живут, не задаются вопросом «куда». Они идут. Домой, в магазин, на работу. Без рефлексии.

Я повела его через дворы — лабиринты, известные только местным. Перелезли через низкий забор (он делал это удивительно ловко, хоть и в своем дорогом пальто), прошли через темный сквер, где на лавочках сидели парочки, не обращая на нас внимания. Я вела его туда, куда обычно ходила сама, когда нужно было побыть одной, — на старую, заброшенную детскую площадку. Качели сломаны, песочница заросла бурьяном, но с горки открывался странно умиротворяющий вид на спящие окна и черные кроны деревьев.

Я села на влажное, холодное сиденье качели. Он стоял рядом, не решаясь присесть.

— Садитесь. Выдавливает лужу из ботинка Prada — тоже часть опыта.

Он сел на соседнюю качель, скрипящую под его весом. Дождь почти прекратился, осталась только тяжелая, мокрая темнота.

— Ну? — спросила я. — Какие впечатления?

Он помолчал, собирая мысли.

— Тише, чем я ожидал. Темнее. И... пахнет иначе.

— А как вы ожидали?

— Больше движения. Больше... угрозы. — Он посмотрел на свои руки в темноте. — Вы сказали, я излучаю энергию. А что излучают здесь?

Я задумалась.

— Усталость в основном. Ожидание зарплаты. Мечты об отпуске, который никогда не наступит. Злость на управляющую компанию. Радость от того, что ребёнок получил пятерку. Обычную человеческую жизнь. Просто без глянца.

— И вы предпочитаете это «глянцу»?

— Это не глянец, Руслан. Это лакировка. Под ней всё то же самое: усталость, ожидание, злость. Только ещё и фальшивая улыбка сверху. А здесь хоть честно.

Он снова замолчал. Казалось, он впитывал тишину, пропитанную запахом мокрой листвы и далекой жареной картошки.

— Вы часто сюда приходите? Одна?

— Когда нужно подумать. Или не думать вообще. Когда город там, — я махнула рукой в сторону огней центра, — давит. А здесь можно просто быть. Телохранители у вашего отца тоже на качелях сидят, чтобы расслабиться?

Он коротко усмехнулся. Звук был неожиданно тёплым в холодном воздухе.

— Нет. У них есть комнаты отдыха с биллардом и сауной.

— Вот видите. У них — сауна. У меня — сломанные качели. Но эффект, думаю, один и тот же.

На площадку зашла пара подростков. Они что-то оживленно обсуждали, закурили, не обращая на нас внимания. Потом увидели нас. Их разговор стих. Они оценивающе посмотрели на Руслана — на его пальто, на осанку, на то, как он сидит, даже на дождевые капли на его дорогах ботинках.

— Чё, пацаны, потерялись? — бросил один из них, парень в спортивном костюме.

Это был момент истины. Я наблюдала за Русланом краем глаза. Он не смутился, не стал выпрямляться. Он просто повернул голову в их сторону и спокойно, почти лениво ответил.

— Нет. Отдыхаем. Место свободное?

Его тон был нейтральным. Не вызов, не подхалимаж. Парни переглянулись.

— Да забей, — сказал второй. — Места хватит.

Они отошли чуть дальше, продолжили свой разговор, но уже потише, украдкой поглядывая на нас.

Когда они ушли, я повернулась к Руслану.

— Неплохо. Для первого раза.

— Что я сделал?

— Вы не испугались, и не задрали нос. Вы просто были. Это сработало. Они почувствовали, что вы не ищете приключений и не смотрите на них свысока. Вы просто... здесь. Пока ненадолго.

— А что было бы, если бы я испугался? Или начал им что-то доказывать?

— Либо вас бы обступили и начали «прокачивать» на деньги или на понты. Либо просто послали бы и забыли. Первый вариант более вероятен, если бы вы вели себя как типичный

мажор, зашедший «посмотреть на зверюшек». Вы же не из таких, да? — я вложила в вопрос всю возможную иронию.

Он снова посмотрел на свои руки.

— Я не знаю, кто я такой вне своего графика, Карина. Поэтому я и здесь.

Это признание прозвучало так неожиданно честно, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Не кокетство, не игра. Он был потерян. В своем идеальном, выстроенном по линейке мире.

Я резко встала. Качели заскрипели.

— Урок первый закончен. Вы не научились быть невидимкой. Но вы, кажется, поняли, как не быть мишенью. Для начала сойдет.

— А что дальше?

— Дальше вы возвращаетесь в свою сауну. А я — домой. Следующая экскурсия — послезавтра. И, Руслан...

Он поднял на меня взгляд.

— Приходите одни. Без вашей тени. Иначе игра теряет смысл.

Я не стала ждать ответа, развернулась и пошла прочь, оставляя его сидеть на скрипучей качели посреди заброшенной детской площадки, в самом сердце моего мира, который он решил изучать, как экзотическую болезнь.

Идя домой, я чувствовала странную смесь удовлетворения и тревоги. Он был не таким, как я думала. И это делало всё только опаснее. Потому что с врагом, которого понимаешь, бороться проще. А что делать с тем, кто просто хочет понять? Кто сам себя не понимает? Кто смотрит на сломанные качели с таким же недоумением и интересом, с каким я, наверное, смотрела бы на его сауну с бильярдом.

Дома меня ждала записка от Лены на холодильнике: «Звонила твоя мама. Опять просила навестить. И... позвони Глебу. Говорит, срочно. Похоже, он что-то узнал про твоего нового «друга».

Я смяла записку и выбросила в урну. Завтра. Завтра разберусь со всем. Сейчас же мне нужно было отмыть с рук не только краску, но и ощущение его взгляда — пристального, любопытного, заставляющего чувствовать себя одновременно и объектом исследования, и исследователем в этой странной, начавшейся игре.

Давайте знакомится, Руслан Киселев

Глава 5

Утро началось с тяжёлого похмелья от вчерашних эмоций. Я отложила звонок маме — её вечное беспокойство и тихие упрёки («хоть бы на нормальную работу устроилась, Карин») были последним, что мне сейчас нужно было слышать. А вот Глеб...

Глеб сидел в «У Гоги» за своим обычным столиком у окна, но вместо планшета с эскизами перед ним лежал распечатанный лист А4. Он был бледнее обычного.

— Присядь, — сказал он, не глядя на меня, когда я подошла.

Я села, заказав у бармена двойной эспрессо.

— Что случилось? Выглядишь так, будто видел привидение.

— Привидение было бы милее, — Глеб провёл рукой по лицу. — Ты влипла, Кара. По самые уши.

Он подвинул ко мне листок. Это была распечатка статьи из делового журнала годичной давности. «Киселев-младший: наследник, инвестор, филантроп?» На чёрно-белой фотографии Руслан в безупречном костюме разрезал ленточку перед каким-то технологическим центром. Улыбка — правильная, для камеры. Глаза — пустые.

— Я это видел, — фыркнула я. — Глянец. Лакировка.

— Читай не только заголовки, — мрачно сказал Глеб. Он ткнул пальцем в абзац в середине текста.

Я пробежала глазами. Стандартный пассаж о диверсификации активов, социальной ответственности. И вдруг — словно шип:

«...проект перепрофилирования промзоны «Красный Октябрь» столкнулся с неожиданным сопротивлением. Группа местных активистов и художников-граффитистов, облюбовавших заброшенные цеха, отказалась покидать территорию, заявляя о её культурной ценности. Руслан Киселев, курирующий проект, публично назвал их позицию «ребячеством, тормозящим развитие города». В частной беседе, как сообщают наши источники, он был менее политкорректен: «Мы уберем этот бомжатник. Если надо — бульдозерами, вместе с их мазней».

Кровь отхлынула от лица. Я перечитала абзац ещё раз. Слова жгли глаза. *Бомжатник. Мазня. Бульдозерами.*

— Видишь? — голос Глеба звучал приглушённо, словно из-под воды. — Он не хочет «понять» твой мир, Кара. Он хочет его стереть. Снести. И построить на его месте очередной гладенький, стерильный квартал для таких же, как он. Твои граффити-дворы, наши подвалы, все эти «задворки», которые ты собираешься ему показывать — они в его планах значатся как мусор, подлежащий утилизации.

Кофе, который принёс бармен, стоял нетронутый. В горле пересохло.

— Но... он же предложил мне стену там. На той самой территории.

— Приманка! — Глеб ударил кулаком по столу, заставив чашки звенеть. — Чтобы ты повелась. Чтобы ты его туда привела, показала всё изнутри, рассказала, кто главный, где слабые места, как эти «бомжи» мыслят. Разведка перед атакой. А потом — раз! И бульдозеры. А тебе скажут: «Ой, извини, планы поменялись, но вот тебе стеночка в новом бизнес-центре, рисуй розовых пони, девочка». Или вообще ничего не скажут. Просто сотрут.

В голове всё кружилось. Картина, которую рисовал Глеб, была ужасающе логичной. Всё вставало на свои места. Его холодный интерес. Желание увидеть «логику хаоса». Зачем наследнику империи, у которого есть сауны с бильярдом, сломанные качели? Чтобы понять, как лучше их сломать окончательно.

— Я... не верю, — выдохнула я, но в голосе не было уверенности.

— Не веришь? — Глеб достал телефон, пролистал галерею и показал мне скриншот. Это было объявление на сайте по продаже коммерческой недвижимости. Фотография всё той

же территории «Красный Октябрь». Яркая надпись: «Перспективная площадка под комплекс апартаментов бизнес-класса. Освобождение территории — в процессе». Дата публикации — две недели назад. — Это уже не слухи. Это факт. Он тебя использует, Карина. Как троянского коня.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как стены кафе смыкаются вокруг. Всё, во что я начала понемногу верить — этот странный обмен, его любопытство, даже его уязвимость на качелях — оказалось фарсом. Гротескной, циничной ложью.

— Что мне делать? — прошептала я.

— Бежать. Разорвать все контакты. Сейчас. И предупредить наших. Ребята из «Октября» должны знать, что к ним под видом падашки подбирается волк в очень дорогом кашемире.

Я кивнула, машинально. Разум соглашался с Глебом. Но где-то в глубине, под слоями шока и предательства, шевелилось что-то ещё. Обида. Ярость. Не просто за себя, а за свой мир, который снова, уже в который раз, кто-то собирался перепахать, не пытаясь даже понять. И тогда во мне вспыхнула идея. Отчаянная, безумная, но идея.

— Нет, — сказала я твёрдо.

Глеб уставился на меня, будто я сошла с ума.

— Что значит «нет»?

— Значит, я не бегу. Я иду на следующую «экскурсию». И на следующую.

— Ты с ума сошла! Он тебя обманывает!

— А я его — нет? — спросила я, и в моём голосе зазвучали стальные нотки. — Он думает, я веду его в мой мир, чтобы он его изучил и уничтожил. А что, если я поведу его так, чтобы он в нём... заблудился? Чтобы он увидел не «бомжатник», а то, что стоит сохранить. Не «мазню», а искусство. Не хаос, а жизнь.

— Карина, это наивно! Он не изменит свои планы из-за пары прогулок по дворам!

— Может, и нет, — признала я. — Но я должна попробовать. Это уже не просто про нас с ним. Это про всё, что мы делаем. Если я сдамся сейчас, то подтверждаю его правоту. Что мы — просто вандалы, которых можно купить или стереть. А я хочу, чтобы он увидел, что мы — сила. Культура. Что с нами нужно не бороться бульдозерами, а договариваться.

Глеб смотрел на меня с жалостью и восхищением.

— Ты идеалистка, и он сломает тебя.

— Возможно. Но если я сломаю его представления, даже чуть-чуть — это уже победа.

Я допила холодный эспрессо, горечь которого теперь казалась уместной.

— Я должна это сделать, Глеб. Не только для себя. Для всех нас.

Он долго молчал, потом тяжело вздохнул.

— Хорошо. Но я буду страховать. Дай мне знать, куда и когда. И если что... если хоть что-то пойдёт не так, я подниму на уши всех, кого смогу. Мы его слив в сеть устроим, со всеми этими его «бульдозерами».

Я улыбнулась, чувствуя, как ко мне возвращаются силы.

— Договорились.

Весь день я ходила как на иголках. Сомнения грызли изнутри. А что, если Глеб прав на все сто? А что, если я просто дура, ведущаяся на красивую упаковку? Но каждый раз, когда я вспоминала Руслана на качелях — его неловкую попытку «расслабиться», его тихое «я не знаю, кто я такой» — мне хотелось верить, что там, под слоем цинизма и бизнес-планов, есть что-то живое. Что-то, до чего можно достучаться.

Вечером я отправила ему СМС. Без эмоций, просто факты.

«Завтра. 21:00. Место: сквер за ДК «Металлург». Приходи один. Будет шумно. Не одевайся дорого».

Ответ пришёл почти мгновенно: *«Понял. Буду».*

Коротко. Деловито. Без смайликов, без вопросов. Как солдат, подтверждающий получение приказа.

Я выключила телефон и уставилась в потолок. Завтра я поведу его на концерт местной панк-группы в подвале того самого ДК. Туда, где воздух гудит от бас-гитары, пахнет пивом и потом, а люди сбрасывают с себя кожу офисных работников и магазинных консультантов, чтобы на пару часов стать неистовыми, кричащими, живыми.

Это будет его второе погружение, и мое первое контрнаступление. Я покажу ему не «бомжатник». Я покажу ему дух. Неистовый, непокорный, творческий дух места, которое он собирался сравнить с землёй.

Глава 6

Сквер за ДК «Металлург» днем — место для мам с колясками и пенсионеров, играющих в домино. Ночью, особенно в пятницу, он превращался в предбанник другого измерения. Уже в девять у глухой двери в цокольном этаже толпился народ. Косухи, рваные джинсы, ирокезы, серая офисная униформа, сброшенная на пару часов — всё перемешалось в единую, бурлящую массу. В воздухе витал электрический трепет ожидания и запах дешёвого табака.

Я стояла в тени раскидистой липы, наблюдая. Руслан появился ровно в двадцать один ноль-ноль. Он выполнил просьбу — на нём были простые тёмные джинсы и чёрная водолазка. Но даже в этом он выглядел как переодетый принц. Его осанка, способ просто стоять, отстранённо наблюдая за толпой, — всё кричало о чужеродности. Он был булыжником в потоке, а не водой.

— Неплохо, — сказала я, подходя сзади.

Он вздрогнул — я заметила это с удовлетворением. Значит, он не всемогущ. Значит, его тоже можно застать врасплох.

— Вы всегда подкрадываетесь? — спросил он, обернувшись. В свете уличного фонаря его лицо казалось напряжённым.

— Это не подкрадывание. Это — сливание с фоном. Вы всё ещё выделяетесь. Но хоть не светитесь в темноте, как новенький BMW. — Я кивнула в сторону двери. — Пойдём. Первое правило таких мест — не застывать у входа. Либо внутри, либо снаружи. Промежуточное состояние вызывает вопросы.

Мы протиснулись в толпе к входу. Я кивнула здоровенному бородачу в футболке с «Металликой», который собирал с входящих символическую плату.

— Двое.

— Сто пятьдесят, — буркнул он, не глядя.

Я полезла в карман, но Руслан был быстрее. Он протянул купюру в пятьсот.

— За двоих, сдачи не надо.

Бородач наконец поднял на него глаза, медленно, оценивающе. Потом перевёл взгляд на меня, приподнял бровь, взял деньги и отодвинулся, пропуская нас.

— Второе правило, — прошипела я, спускаясь по липким от чего-то бетонным ступеням вниз. — Не кидаться деньгами. Здесь это не щедрость. Это выпендрёж. Или вызов.

— Я просто хотел ускорить процесс.

— Здесь процессы не ускоряются деньгами. Здесь они ускоряются только громкостью гитар.

Перед нами открылось подполье. Буквально. Низкий потолок, закопчённые стены, окрашенные в чёрный, барная стойка из грубых досок. И главное — люди. Их было, может, человек сто, но в этом замкнутом пространстве они ощущались как тысяча. Воздух был густым, тяжёлым от запаха пота, пива, пыли и азарта. На крошечной сцене настраивались музыканты, выплёвывая в микрофон бессвязные слова и аккорды.

Руслан замер на последней ступеньке, его взгляд скользил по толпе, по проводам на полу, по примитивной аппаратуре. В его глазах читалось не брезгливость, а... изумление. Как будто он обнаружил жизнь на другой планете.

— Это и есть... культура? — переспросил он, чтобы перекрыть нарастающий гул.

— Это — энергия, — поправила я, ведя его вдоль стены, подальше от основного столпотворения перед сценой. — Непричесанная, не упакованная, не проданная. Она рождается здесь и сейчас. И умирает с последним аккордом. Это нельзя купить на VIP-место. Это можно только пережить.

Мы прислонились к прохладной стене. Я следила за его реакцией. Он впитывал всё: как смеются люди, как переключаются, как делят бутылку пива, как уже начинают притоптывать в такт звучащей из колонок музыки.

— Зачем они приходят сюда? — спросил он. Не «зачем вы», а «зачем они». Он всё ещё отделял себя. Это было важно.

— Чтобы чувствовать. Чтобы быть частью толпы, но при этом — собой. Чтобы кричать чужие слова, которые кажутся своими. Чтобы на пару часов вырваться из... — я запнулась, глядя прямо на него, — ...из расписания.

На сцене что-то щёлкнуло, и тишина. Потом — удар барабанов, рваный, яростный, как выстрел. И стена звука обрушилась на нас. Бас-гитара вдавила меня в стену, дисторшн заскрежетал по нервам. Вокалист, тощий парень в очках, прижался к микрофону и завыл хриплым, надорванным голосом о крахе надежд, о бетонных стенах города, о бессмысленном бунте.

Руслан вздрогнул всем телом от первого же аккорда. Его глаза расширились. Он не был готов к такой физической атаке звуком. Я видела, как его тело инстинктивно напряглось, как бы готовясь к опасности. Но он не отступил. Он стоял, вжавшись в стену, и смотрел на сцену. Не на музыкантов, а на толпу.

А толпа ожила. Она заколыхалась, как одно огромное, многоногое существо. Кулаки взметнулись в воздух. Головы закачались в такт. Крик вокалиста подхватили десятки глоток. Пространство наполнилось не просто шумом, а единым, яростным пульсом.

Я наблюдала за Русланом. Сначала была только защита. Потом — анализ. Его взгляд метнулся от сцены к лицам в толпе, застывшим в крике, в экстазе. Он видел не грязь и не хаос. Он видел катарсис.

Песня закончилась оглушительным аккордом. В воздухе повисло эхо и тяжёлое дыхание толпы.

— И... это им нравится? — прокричал он мне в ухо.

— Им это нужно! — крикнула я в ответ. — Как дышать! Это их способ сказать, что они есть!

Следующая песня была ещё быстрее, ещё агрессивнее. Толпа перед сценой превратилась в москит — стихийную, но по-своему организованную толчею. Люди толкались, падали, их поднимали. Это был ритуал.

И тут случилось неожиданное. Парень из толпы, раскачиваясь, неловко отшатнулся и сильно толкнул Руслана плечом в грудь. Тот пошатнулся, едва удержав равновесие. Я видела, как по его лицу промелькнула мгновенная вспышка гнева, холодного и опасного. Он повернулся, и в его позе, во взгляде на неловкого парнишку, читалась готовность к действию. К тому самому «действию», которое, я уверена, ему преподавали на каких-то закрытых курсах.

— Эй, осторожнее! — крикнул парень, уже извиняясь, но с вызовом.

Руслан замер. Он посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки. Потом на парня, на его испуганно-наглые глаза. И... разжал пальцы. Он кивнул, коротко, почти незаметно, и отвернулся, снова упершись взглядом в сцену.

Это была маленькая победа. Над собой. Над своими инстинктами.

Концерт длился час. Когда затих последний фидбэк, и на сцене зажгли тусклый рабочий свет, я почувствовала, что оглохла. В ушах стоял звон. Руслан молчал. Его волосы были слегка всклокочены от духоты, на лбу испарина.

— Ну? — спросила я, когда мы поднялись на улицу. Холодный ночной воздух обжёг лёгкие.

Он долго молчал, вдыхая, будто впервые за вечер.

— Это было... интенсивно, — наконец сказал он. — Физически. И эмоционально.

— И что вы чувствовали?

Он задумался.

— Сначала — дискомфорт. Потом... любопытство. А потом, ближе к концу, я почти перестал анализировать. Звук просто... нёс. Как сильное течение. И все эти люди... они не бунтовали. Они... плыли. Вместе.

Я смотрела на него, и впервые за вечер что-то внутри дрогнуло. Он понял. Не до конца, не так, как понимаем мы. Но он уловил суть.

— Это и есть моя культура, Руслан, — тихо сказала я. — Не в музеях. А здесь. В этом поту, в этой хрипоте, в этих обшарпанных стенах, которые помнят крики двадцати лет. Это и есть жизнь, которую вы хотите снести бульдозером.

Он резко повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло что-то острое, похожее на понимание. Или на вызов.

— Кто вам сказал про бульдозеры? — спросил он ровным, опасным голосом.

Сердце ёкнуло. Я переиграла. Выдала свои знания.

— Слухи, — пожала я плечами, стараясь выглядеть небрежно. — В нашем «бомжатнике» тоже есть своя почта. Говорят, «Красный Октябрь» ждёт большая перестройка. И что наследник Киселев не очень жалуется местным художников.

Он смотрел на меня так, будто видел насквозь. Видел и статью, и мой разговор с Глебом, и все мои страхи.

— Слухи часто преувеличивают, — сказал он наконец, но в его тоне не было убедительности. Была уклончивость. — Проекты бывают разные. И мнения... могут меняться.

— Надеюсь, что да, — сказала я, выдерживая его взгляд. — Потому что искусство, которое родилось в таких вот подвалах, заслуживает большего, чем быть размазанным по кирпичу гусеницей бульдозера. Оно заслуживает той самой стены, которую вы мне обещали.

Мы стояли друг против друга. Между нами висело невысказанное обвинение и хрупкое, только что возникшее понимание. Он знал, что я в курсе его планов. Я знала, что он знает.

— Следующая экскурсия? — спросил он, разрывая паузу.

— Я пришлю details, — сказала я, используя английское слово нарочито. Пусть знает, что мы не дикари. — И, Руслан...

— Да?

— Приходите в следующий раз с готовностью не только слушать. Но и слышать.

Я развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Спиной я чувствовала его взгляд. Он был уже не просто любопытным. Он был настороженным.

Глава 7

Между нами повисло неловкое перемирие, хрупкое, как первый лед. Он не звонил, не писал, и я выдержала паузу в три дня. Пусть переваривает. Пусть думает о бульдозерах и о людях, которые «плывут» под яростный панк.

На четвертый день я отправила ему голосовое сообщение. Короткое, без прикрас.

«Завтра, 14:00. Адрес: Нижне-Портовая, 14. Гаражный кооператив «Факел». Будет грязно. Одевайся соответственно».

Ответ пришел через час: «Что значит «соответственно»?»

Я усмехнулась. Он учился. «Значит, такую одежду, которую не жалко выбросить».

«Понял».

Нижне-Портовая была царством ржавчины, солярки и мужского труда. Гаражные ворота, заляпанные мазутом, груды металлолома, заросшие бурьяном, и вездесущий запах масла и старого бетона. «Факел» был одним из таких кооперативов. Но для меня он был чем-то большим.

Мы с отцом, когда он еще был жив, приходили сюда к его другу, дяде Славе. Тот ремонтировал в своем гараже не только машины, но и всё подряд — от чайников до детских велосипедов. И разрешал мне крутиться рядом.

Руслан ждал у входа, у чугунных, покосившихся ворот. На нем были простые синие джинсы (новые, но без явных лейблов) и темно-серая футболка. На ногах — кроссовки, дорогие, но не кричащие. Прогресс.

— Привет, — кивнула я. — За мной.

Я повела его по главному «проспекту» между рядами гаражей. Собаки лаяли из-за ворот, где-то шипела сварка, играло радио. Мужики в промасленных комбинезонах с любопытством косились на нас, особенно на Руслана. Его чистота здесь была таким же диссонансом, как икона в автомастерской.

— Куда мы идем? — спросил он, переступая через лужу машинного масла.

— На фабрику. Не ту, которую сносят. На ту, которая работает.

Я остановилась у не приметного гаража №42. На воротах, поверх ржавчины, кто-то вывел баллончиком: «СЛАВИК». Я толкнула боковую калитку — она не запиралась.

Внутри было царство хаоса, который лишь хозяину кажется порядком. Полки, заставленные банками с болтами и гайками, верстак, заваленный инструментами, старый «Москвич» со снятым капотом. И в центре, под лампой дневного света, сидел дядя Слава. Невысокий, плечистый, с умными руками, изборожденными морщинами и следами ожогов. Он паял какую-то плату, прищурившись от дыма.

— Дядя Слав, привет! — крикнула я.

Он оторвался от паяльника, лицо его расплылось в улыбке.

— Каркуша! Заходи, родная! — Его взгляд перешел на Руслана, и улыбка слегка потухла, сменилась настороженным интересом. — А товарищ-то с тобой... не из ЖЭКа?

— Нет, дядя Слав, это Руслан. Он... изучает городские сообщества. Интересуется, как живут настоящие мастера.

Руслан, к его чести, не стал ничего добавлять, просто кивнул.

— Здравствуйте.

— Мастера... — дядя Слава фыркнул, откладывая паяльник. — Мастера сейчас в дефиците. Все больше менеджеры по продажам чего-нибудь. Ну, садитесь, если найдете где. — Он махнул рукой на пару табуреток.

Я села, Руслан последовал моему примеру, осторожно, будто табуретка была миной.

— Что ж изучаешь, товарищ Руслан? Как мы тут, в нищете и грязи, прозябаем? — спросил дядя Слава напрямую, вытирая руки об тряпку.

Руслан не смутился.

— Мне интересен сам принцип. Это ваш бизнес? Хобби?

— Жизнь, — коротко ответил старик. — Раньше, на заводе, я был инженером. Потом завод встал. А руки чесались. Знания — остались. Вот и открыл свою «ремонтную». Люди несут то, что жалко выбросить, но в магазине чинить дорого или нельзя. Я чиню. Телевизоры, пылесосы, игрушки детям. Да всё. Не разбогатеешь, но на жизнь хватает. И люди благодарны. Вот недавно старушке кофемолку советскую реанимировал. Она мне пирожков напекла. Это лучше любой оплаты.

Я наблюдала, как Руслан слушает. Он не перебивал, не смотрел свысока. Он впитывал, как губка.

— А почему именно здесь? Гараж? — спросил он.

— А где ещё? Квартиру под мастерскую не отдашь, аренда помещений — золотая. А здесь — своё. Пусть и неказистое. Здесь своя республика. Сосед Васька — кузовщик, он мне сложный изгиб выправит. Я ему электронику в его тачку врежу. Коля-сантехник, Лёха-электрик... Мы тут, как в старину, артелью. Выручаем друг друга. Без бюрократии, без договоров. На честном слове и на заимовыручке.

Руслан медленно оглядел гараж: закопченные стены, самодельные полки, старый календарь с полуобнаженной красоткой, висящий рядом с иконкой. Это был антипод его отцовских офисов с хромом и стеклом. Но в этом хаосе была своя, железная логика.

— И вас это устраивает? — спросил Руслан. — Такая... неустойчивость?

Дядя Слава рассмеялся.

— Молодой человек, вся жизнь — неустойчивость. Завод, где я двадцать лет проработал, казался вечным. И где он? А этот гараж стоит сорок лет, и простоит ещё. Потому что он нужен. Мне. Им, — он кивнул в сторону улицы. — А ваши стеклянные башни... они красивые, да. Но холодные. И если упадут, то рассыплются в пыль. А это, — он стукнул кулаком по верстаку, — это держится на людях. И это прочнее любого бетона.

Наступила тишина, нарушаемая только гулом где-то вдалеке. Руслан смотрел на свои руки, потом на грубые, умелые руки дяди Славы.

— Спасибо, что поделились, — сказал он наконец, искренне. — Это... ценный опыт.

— Опыт — он всегда ценный, если из него выводы делать, — многозначительно сказал дядя Слава. — Каркуша, ты за тем обращалась, что я тебя просил?

— А, да! — я вспомнила. — Руслан, у дяди Славы есть для нас задание.

Я подошла к стене, где стояли три больших металлических баллона от какого-то старого оборудования. Они были ржавые, невзрачные.

— Хозяин бросил, вывезти дорого, — пояснил дядя Слава. — А мне они мешают. Ребята, помогите старику — вытащите их на улицу, к общей куче металлолома. Сосед потом заберёт на сдачу.

Я уже надела рабочие перчатки, которые всегда висели тут на гвозде, и посмотрела на Руслана. Испытание. Он смотрел на баллоны, покрытые рыжей пылью и паутиной. На свои чистые джинсы. Потом на меня. В его глазах мелькнула борьба. Я видела, как в голове у него проносятся протоколы, возможно, мысль позвать того самого невидимого телохранителя. Но он лишь сжал губы, кивнул и протянул руку.

— Дайте перчатки.

Дядя Слава протянул ему другую пару, столь же засаленную. Руслан надел их, движения были медленными, неловкими.

Работа была грязной и тяжелой. Баллоны оказались на удивление увесистыми. Мы с Русланом взялись за первый. Металл был шершавым, холодным. Ржавчина осыпалась нам на кроссовки.

— Тянем на три, — скомандовала я. — Раз, два...

Мы оторвали баллон от пола. Руслан крикнул от напряжения. Мы понесли его, спотыкаясь, к выходу. Его лицо покраснело, на лбу выступил пот. Он молчал, сосредоточенный на задаче. Мы выволокли первый баллон, потом второй. На третьем у Руслана со лба капля пота упала прямо на ржавый металл. Он остановился, перевел дух. Его футболка потемнела на спине.

— Всё? — спросил он, когда мы поставили последний баллон у забора.

— Всё, — я сняла перчатки. — Молодец. Не сломался.

Он смотрел на свои испачканные руки в перчатках, на пыль на джинсах. Потом поднял на меня взгляд. В его глазах не было раздражения. Была усталость и... странное удовлетворение.

— Спасибо, Славомир Игоревич, — сказал он, обращаясь к дяде Славе, который наблюдал за нами, прислонившись к косяку. — Вы многому меня научили сегодня.

— И ты меня не разочаровал, пацан, — хрипло усмехнулся старик. — Не побрезговал. Это много значит. Каркуша, вези своего друга руки мыть. У меня вон, в углу, умывальник.

Мы мыли руки ледяной водой из бачка. Ржавая пыль сходила тяжело. Руслан тер ладонь о ладонь, изучая, как грязь забивается в поры кожи, под ногти.

— И что вы теперь чувствуете? — спросила я, вытирая руки об старую тряпку. — Усталость? Брезгливость?

Он посмотрел на свои, всё ещё не идеально чистые руки.

— Чувствую... вес, — сказал он задумчиво. — Не баллона. А дела. Того, что он делает здесь. И того, что эти баллоны теперь не мусор, а лом. Который пойдет на переплавку. И станет чем-то новым. Здесь всё так. Ничего не пропадает. Всё преобразуется. Это... эффективно. По-своему.

Я смотрела на него, и у меня в груди что-то екнуло. Он не просто помог. Он понял. Уловил суть этого места — не грязь и нищета, а круговорот, устойчивость, сообщество.

Когда мы вышли за ворота «Факела», солнце уже клонилось к закату. Руслан остановился, глядя на свои испачканные кроссовки.

— Деньги не пахнут, — сказал он вдруг, цитируя расхожую фразу. — А вот работа... пахнет. Металлом, мазутом, потом. Это... конкретный запах.

— Запах реальности, — сказала я. — Не той, что в графиках и отчётах. А той, что остаётся на руках.

Он кивнул.

— Спасибо за сегодня, Карина. Это было... важно.

— Следующая встреча? — спросил он, и в его голосе уже не было прежней отстранённости. Был интерес. Подлинный.

— Я пришлю details, — повторила я свою фразу, но теперь с лёгкой улыбкой.

Я шла домой, и на душе было странно. Гнев и подозрение, которые кипели во мне после разговора с Глебом, поутихли, сменившись сложным, противоречивым чувством. Он был не монстром. Он был... учеником. Очень способным учеником, который начинал видеть мир не в чёрно-белых тонах прибыли и убытка, а в оттенках ржавчины, пота и человеческой благодарности.

Но это не отменяло статей про бульдозеры. Не отменяло его отца. Не отменяло той пропасти, что лежала между гаражом дяди Славы и его будущим кабинетом в небоскрёбе.

Я зашла в магазин, купила бутылку подсолнечного масла и жесткую щетку. Чтобы отчистить кроссовки. И чтобы помнить. Запах реальности, который, возможно, был самым опасным искушением для человека, привыкшего жить в мире без запахов.

Глава 8

Тишина после гаража длилась дольше обычного. Почти неделю. Я не писала, он не звонил. Зато зазвонила мама.

— Карин, ты жива? — её голос в трубке звучал так, будто я только что вышла из зоны боевых действий.

— Жива-жива, мам. Всё нормально.

— Что «нормально»? Я тебя три недели не видела! Ты не отвечаешь на сообщения! Лена сказала, ты с каким-то... ну, из богатых...

Чёрт тебя побери, Лена.

— Мам, Лена драматизирует. Я просто... работаю над большим проектом. Сроки горят.

— Какой проект? Опять эти свои рисунки на заборах? Дочка, когда ты уже остепенишься? — в её голосе зазвучала знакомая, измученная нота. — Тётка Зина в отделе кадров на заводе говорит, им кладовщика нужен. Работа чистая, стабильная...

— Мам, я не буду кладовщиком. У меня всё хорошо, правда. Скоро заеду, ладно? Привезу тебе те конфеты, что ты любишь.

Мы ещё десять минут говорили о её больной спине, о цене на гречку и о том, как соседка вышла замуж за дальнобойщика. Этот разговор, обыденный и укореняющий в реальности, был мне нужен как глоток воздуха. После гаражей, панк-концертов и молчаливого наследника олигарха мир мамы казался такой прочной, незыблемой скалой. Скучной, да. Но надёжной.

На восьмой день пришло сообщение от него. Неожданное.

«Сегодня. 22:00. Я буду у твоего дома. Если не против. Хочу показать тебе кое-что со своей стороны».

Это было ново. Он брал инициативу. И «со своей стороны» звучало интригующе и опасно. Я колебалась секунд тридцать, потом ответила: *«Улица Строителей, 10, подъезд 3. Не во дворе. На лавочке у детской площадки»*.

Площадка была нашей, дворовой. Не такая заброшенная, как в промзоне, но знакомая до каждой выщерблины на горке. В десять вечера там никого не было, кроме вечно пьяного дядьки Миши, который спал на дальней лавочке, укрывшись газетой.

Руслан пришёл пешком. Один. Я наблюдала из окна подъезда, как он идёт по двору, оглядываясь. Он снова был в своей «невидимой» форме — тёмные джинсы, тёмная куртка. Но невидимым он не был. Он был как чёрная дыра, поглощающая рассеянный свет фонарей.

Я вышла. Он кивнул в знак приветствия. Лицо его было серьёзным.

— Поедем? — спросил он.

— Куда?

— Туда, где я иногда бываю. Когда нужно... отключиться.

Мы сели в тот же внедорожник, но водителя не было. Руслан сел за руль. Это было так неожиданно, что я на секунду опешила.

— Вы сами?

— Умею, — коротко сказал он, завёл двигатель. — И сегодня правила другие. Никаких повязок.

Мы ехали молча. Город мелькал за окном, переходя из зоны панельных пятиэтажек в район сталинок, потом в деловой центр с сияющими стеклянными башнями. Но он проехал мимо них, свернул в тихий, престижный район особняков за высокими заборами. В одном из таких домов, больше похожем на маленький замок в стиле модерн, он остановил машину у железных ворот. Он что-то набрал на пульте, ворота бесшумно разъехались.

Мы заехали на территорию. Дом был огромным, тёмным, лишь в нескольких окнах горел свет.

— Гостевой дом, — пояснил Руслан, заглушая двигатель. — Отец использует его для приёмов. Сейчас здесь никого нет.

Мы вышли. Воздух здесь пах по-другому — дорогой хвоей, ухоженным газоном, тишиной, которую можно купить. Он провёл меня не к парадному входу, а по каменной дорожке вокруг дома. Сзади открывался огромный сад с фонтаном и беседкой. Но он повёл меня к неприметной деревянной двери в цоколе.

Внутри пахло старым деревом, воском и пылью. Он щёлкнул выключателем. Загорелись софиты, и я ахнула.

Это была мастерская. Огромная, просторная, с высоченными потолками. Но не художника. Скорее, инженера или архитектора. Вдоль стен стояли столы с чертежами, макетами зданий из белого пластика и картона. На полках — книги по урбанистике, истории архитектуры. В центре, на большом столе, лежал развернутый рулон ватмана с карандашным эскизом какого-то комплекса. Узнаваемого. Это был «Красный Октябрь».

Я подошла ближе, не веря своим глазам. Эскиз был детальным. Не просто «сносим и строим апартаменты». Там были прорисованы не только новые корпуса, но и старые, кирпичные. Часть из них была аккуратно вписана в новый план. На полях — пометки, цифры, стрелки.

— Что это? — спросила я, не отрываясь от чертежа.

— Мой личный проект. Не официальный. Тот, что в статье, — это план отца. Эффективный, быстрый, прибыльный. Снести 80%, построить с нуля.

— А это?

— Это... попытка найти баланс, — он подошёл ко мне, глядя на свой же чертёж. — Сохранить часть исторических корпусов. Интегрировать их в новую среду. Сделать там арт-пространства, мастерские, кафе. Туда, где ты хотела свою стену.

В груди что-то ёкнуло. Надежда? Или новая ловушка?

— Почему ты мне это показываешь?

— Потому что после гаража... после концерта... я стал смотреть на эти цифры по-другому. Я начал считать не только квадратные метры и ROI. Я начал считать... сообщества. Людей, как дядя Слава. Художников, как ты. Ту силу, что держит старые стены. Я не могу просто взять и стереть это. Но я и не могу отказаться от проекта. Отец его уже продвигает.

Он говорил искренне. Я слышала это по голосу. В нём была борьба.

— И что ты будешь делать?

— Бороться. За этот вариант, — он ткнул пальцем в чертёж. — Он менее прибыльный. Более рискованный. Но он... правильный. Теперь я это понимаю.

Мы стояли в тишине мастерской, над развернутым полем битвы за кусок города. Я смотрела на его профиль, освещённый жёстким светом софитов. Он не смотрел на меня. Он смотрел на свой план, как полководец на карту.

— Ты сказал, что не знаешь, кто ты вне своего графика. А в этом... ты себя находишь? — спросила я тихо.

Он обернулся. Его глаза были усталыми, но в них горел огонь.

— Здесь — да. Когда я работаю над этим. Когда я вычисляю, как сохранить кирпичную кладку 1905 года, не нарушив несущие конструкции нового здания... Да. Это мой выбор. Мой расчёт. Моё... творчество.

Слово «творчество», сказанное им, прозвучало странно, но уместно.

— А что будет, если отец не согласится?

— Будет борьба, — просто сказал он. — Первая в моей жизни, где я буду драться не за цифры в отчёте, а за... идею.

В этот момент где-то наверху, в главном доме, хлопнула дверь. Послышались шаги. Руслан мгновенно преобразился. Его лицо стало маскообразным, напряжённым. Он быстро свернул чертёж и сунул его в плотный тубус.

— Нас не должно быть здесь. Пойдём.

Мы вышли через ту же дверь в сад. Но было поздно. На каменной террасе у дома, освещённая светом из гостиной, стояла женщина. Высокая, в элегантном домашнем костюме, с идеальной укладкой. Его мать. Она курила, глядя в ночь, и её взгляд упал на нас.

— Руслан? — её голос был мелодичным, но холодным, как струйка ледяной воды. — Что ты здесь делаешь? И кто это?

Она медленно спустилась по ступенькам, подходя ближе. Её глаза, такие же светлые, как у сына, скользнули по мне с головы до ног, оценивающе, без капли любопытства, только холодное измерение угрозы и социального статуса. Её взгляд задержался на моих поношенных кедах.

— Мама, это Карина. Художница. Мы обсуждали... возможную коллаборацию по проекту «Красный Октябрь», — голос Руслана стал гладким, деловым. Исчезла вся теплота, что была в мастерской.

— В десять вечера? В гостевом доме? — она приподняла бровь. — Карина... Смирнова, да? Твоя новая... гидуша по городским трущобам?

Она знала. Конечно, знала. Её осведомители работали лучше любой полиции.

— Я просто показываю вашему сыну город, который не входит в стандартные обзорные экскурсии, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Для более глубокого понимания контекста будущих проектов.

Она усмехнулась. Звук был похож на лёгкий звон хрустального бокала.

— Мило. «Контекст». Руслан, дорогой, у тебя завтра в восемь утра встреча с инвесторами из Дубая. И папа хочет видеть финальную калькуляцию по «Октябрю» до конца недели. Той, утверждённой. Не твоих детских фантазий. — Она сделала последнюю затяжку и бросила

окурков в пепельницу на столике. — А тебе, девочка, советую не путать профессиональный интерес моего сына с чем-либо ещё. Наш мир... он гостеприимен, но очень избирателен. И у него острые края. Можно легко порезаться.

Она повернулась и ушла в дом, не оглядываясь, оставив после себя шлейф дорогих духов и ледяного презрения.

Воздух вокруг сгустился. Руслан стоял, сжав кулаки, глядя в темноту, куда ушла мать.

— Извини, — тихо сказал он. — Её не должно было быть здесь.

— Всё в порядке, — сказала я, хотя было не в порядке. Было мерзко и унижительно. — Она права. У вашего мира острые края. И он защищает своих.

Он резко повернулся ко мне.

— Это не мой мир. Не полностью. Не тот, который я хочу. Пока он мой, только пока я его не изменил.

Мы молча поехали обратно. На этот раз тишина в машине была другой. Гнетущей. Потолок его возможностей, тот самый стеклянный потолок его золотой клетки, только что рухнул мне на голову. И я увидела трещины в нём. Увидела, что он хочет его разбить. Но хватит ли у него сил? И не засыплет ли осколками нас обоих?

Он остановил машину у моего дома.

— Карина, то, что было в мастерской... это между нами.

— Конечно. Тайна двух заговорщиков, — я попыталась шутить, но шутка не удалась.

— Я буду бороться за этот проект, — сказал он твёрдо, глядя прямо перед собой на тёмное лобовое стекло. — И я выиграю.

Я вышла из машины, не прощаясь. Шла по тёмному двору, и меня трясло. От злости на его мать. От страха за него. От странной, зарождающейся надежды, которая была страшнее любого отчаяния.

Дома я залезла в душ, включила ледяную воду и стояла под ней, пока тело не онемело. Смывая с себя запах его мира — воска, денег и холодной, тонкой, как лезвие, ненависти. Но под ним оставался другой запах — масла, ржавчины и бумаги из его тайной мастерской. Запах бунта, который пах куда интереснее.

Глава 9

После той ночи у особняка прошло несколько дней в нервном, звенящем ожидании. Я ждала, что он напишет, позвонит, предупредит об отмене всего этого безумия после маминого вмешательства. Но тишина была его ответом. Агрессивной, гулкой тишиной.

Пыталась работать над заказом для кафе, но линии не слушались. Всё, что я рисовала, напоминало то чертежи из его мастерской, то строгие черты его матери. В итоге я сдалась и поехала к маме. Не из чувства долга, а потому что её кухня с клеёнкой в цветочек и запахом борща была единственным местом, где мир ещё казался простым и понятным.

Мама встретила меня как всегда — с тревогой в глазах и пирожками с капустой.

— Хоть поешь нормально, — сказала она, ставя передо мной тарелку. — На одних кофеинах да бутербродах долго не протянешь.

Я ела, слушая её рассказы о работе, о соседях, и чувствовала, как тревога потихоньку отступает, как мороз на окне тает от дыхания. Здесь не было места ни бульдозерам, ни тайным чертежам, ни ледяным взглядам из-под идеальной чёлки.

— Мам, а если бы у тебя была куча денег, что бы ты сделала? — спросила я вдруг, откусывая пирожок.

Она насупилась, помешивая чай ложкой.

— Деньги — они не главное, дочка. Главное — покой да здоровье. Но если бы... наверное, квартиру бы хорошую купила. Не эту развалюху. С большими окнами. Чтобы солнца много было. И тебе бы помогла.

— А что мне надо-то? — усмехнулась я.

— Тебе... тебе студию свою. Чтобы не в подвале твоём, а в нормальном помещении, с высокими потолками и светом. Чтобы ты не по заборам, а на больших холстах рисовала. Ты же можешь, я знаю.

Я смотрела на её руки — потрескавшиеся от уборки и готовки, но таких тёплых и родных. Её мечты были такими... осязаемыми. Квартира. Студия. Здоровье. В них не было места абстрактным «проектам по ревитализации промышленных зон». Они были о простом человеческом счастье.

Дверь в подъезд хлопнула, и я инстинктивно вздрогнула. Мама заметила.

— Что с тобой, Карин? Как на иголках.

— Да так... нервы.

— Это из-за того мажора? Лена говорила...

— Мам, не надо. Всё нормально.

Но нормально не было. Потому что через пять минут в дверь постучали. Мама пошла открывать, вытирая руки об фартук.

— Кому бы это...

Я заглянула в коридор и обмерла. На пороге стоял Руслан. В руках он держал коробку дорогого шоколада и букет нежных, весенних тюльпанов. Он был в своём «гибридном» виде — хорошие, но не броские брюки, рубашка с расстёгнутым воротом, стильная куртка. Он выглядел... уязвимым. И от этого ещё более чужеродным на фоне обшарпанного советского линолеума в нашем коридоре.

— Здравствуйте, — сказал он, обращаясь к маме. Голос его был мягче, чем когда-либо. — Вы, наверное, мама Карины. Меня зовут Руслан. Я... друг Карины. Прошу прощения, что без предупреждения.

Мама застыла с открытым ртом, оглядывая его с ног до головы, потом перевела взгляд на меня. В её глазах читался полный когнитивный диссонанс. Её дочь, её бунтарка-художница, и этот... явно из другого измерения парень с букетом и шоколадом.

— Друг? — переспросила она.

— Коллега, — быстро вставила я, подходя к двери. — Мы по проекту работаем. Руслан, что ты здесь делаешь?

— Я пытался дозвониться. Ты не брала трубку. Мне нужно было тебя видеть. И... извиниться. — Он протянул цветы маме. — Это вам. За беспокойство.

Мама машинально взяла букет, продолжая смотреть на него, как на инопланетянина.

— Да вы... проходите. Раз уж пришли.

— Нет-нет, я не буду вас беспокоить. Карина, можно на пять минут?

Я натянула куртку и вышла с ним на лестничную клетку. Дверь мама прикрыла, но я знала — она слушает у щели.

— Что случилось? — спросила я шёпотом.

— Со мной провели «воспитательную беседу», — сказал он тихо, с горькой усмешкой. — Отец отозвал меня из всех оперативных процессов по «Октябрю». Назначил «куратором по связям с общественностью». Что, в переводе на человеческий, означает — сиди и не высывайся. А мать, она достала досье на тебя. Школьные прогулы, административка за граффити, твоя семья... Всё.

У меня похолодело внутри.

— И?

— И мне дали понять, что моё «хобби» может иметь негативные последствия. Для всех вовлечённых сторон. — Он посмотрел на меня, и в его глазах была ярость. Сдержанная, холодная, но от этого ещё более страшная. — Они думают, что могут всё контролировать. В том числе и меня.

— А они не могут?

— Больше нет, — отрезал он. — Я подписал контракт с архитектурным бюро. На разработку альтернативного проекта. На свои деньги. Свои, Кар, не отцовские. Те, что я заработал сам, на своих первых инвестициях. Я подал заявку на публичные слушания по «Октябрю». Как частное лицо и представитель группы горожан.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Это был открытый бунт. Не тайный в мастерской, а явный, публичный вызов.

— Ты с ума сошёл. Они тебя... они тебя сожрут.

— Пусть попробуют. У меня есть союзники. Среди некоторых девелоперов, которым тоже надоел варварский подход отца. Среди экспертов по сохранению наследия. И... есть ты.

— Я? Я что могу?

— Ты — голос того мира, который они хотят уничтожить. Ты можешь говорить так, как не говорят на их совещаниях. Не цифрами, а образами. Не о прибыли, а о ценности. Мне нужна твоя помощь, Карина. Чтобы подготовить презентацию. Не сухую, с графиками. А живую. Чтобы они увидели не «бомжатник», а среду. Не «мазню», а искусство. Не проблему, а потенциал.

Сердце заколотилось. Это был уже не просто «обмен». Это была война. И он звал меня в свои союзники.

— А что я получу? Кроме риска быть раздавленной между вашими семейными разборками?

— Помимо легальной стены, которую я тебе обещал? Публичность. Шанс показать своё искусство не в подвалах, а на уровне, где о нём заговорят. И... — Он замолчал, и в его глазах промелькнуло что-то неуверенное, почти человеческое. — И шанс доказать, что я не такой, как они. Что мой мир может быть иным. Что я могу быть иным.

С лестницы донёсся скрип — мама, наверное, прислонилась к двери. Руслан услышал и чуть помрачнел.

— Мне пора. Я и так уже создал тебе проблемы, приехав сюда. Подумай. Но недолго. Слушания через две недели.

Он повернулся, чтобы уйти, но я схватила его за рукав.

— Цветы маме... это твоя идея?

Он обернулся.

— Да.

— Она их сейчас нюхает и не понимает, снится ей это или нет, — сказала я, и неожиданно для себя улыбнулась. — Спасибо. За цветы. И за... предложение. Я подумаю.

Он кивнул и быстрыми шагами зашагал вниз по лестнице.

Я вернулась в квартиру. Мама стояла на кухне, зарывшись носом в тюльпаны. Потом оторвалась и смотрела на меня во все глаза.

— Карина... кто этот мальчик?

— Мам, я же сказала — коллега.

— Такие «коллеги» на «Запорожцах» не ездят. И в подъезды без лифтов просто так не заходят. Он что, за тобой ухаживает?

— Нет! — слишком резко ответила я. — У нас... деловые отношения. Сложные.

Мама вздохнула, поставила цветы в вазу.

— Дочка, геометрию в школе помнишь?

— При чём тут...

— Прямая — это кратчайшее расстояние между двумя точками. Но жизнь редко идёт по прямой. Особенно когда точки — из разных вселенных. Путь между ними всегда ломаный. И очень уж он больно бьёт по углам. — Она подошла, взяла моё лицо в свои тёплые ладони. — Я просто не хочу, чтобы тебе было больно. Он смотрит на тебя так, будто ты... новая планета, которую он открыл. А так смотрят либо учёные, либо завоеватели. И те, и другие редко думают о чувствах самой планеты.

Я прижалась лбом к её плечу, вдыхая знакомый запах стирального порошка и лаванды. Она была права. Всё было слишком сложно, слишком опасно. Но когда он говорил о своём проекте, в его глазах горел тот же огонь, что и у меня, когда я видела чистую стену. Огонь творца. И это было сильнее любого страха.

— Я осторожной буду, мам. Обещаю.

— Смотри. А то я этих твоих мажоров на телевизоре видела. Игрушки у них дорогие, а души... как у этих их машин — холодные, железные.

— Он... не совсем такой, — прошептала я.

— Тем хуже, — вздохнула мама. — Потому что с железным всё просто — он или поцарапает, или нет. А с тем, в ком есть что-то человеческое... он может и ранить сильно. И сам пораниться. И оба потом кровью истекать будете. Геометрия, дочка. Ломаная линия.

Она отпустила меня и пошла ставить чайник. А я смотрела на тюльпаны в простой стеклянной вазочке. Они были невероятно красивыми и абсолютно неуместными здесь. Как и он. Как и всё, что происходило. Ломаная линия. По которой теперь предстояло идти. И главное было — не сломаться самой на этих острых углах.

Глава 10

Я не дала ответ сразу. Мне нужно было посмотреть на всё это своими глазами. Не на его чертежи, не на его слова, а на место, за которое он теперь вступил в бой.

«Красный Октябрь» днём был другим существом. Не таинственным и пугающим, как ночью, а величественным в своём упадке. Солнце пробивалось сквозь разбитые окна цехов, выхватывая из полумрака гигантские ржавые шестерни, застывшие конвейеры. Воздух пах старостью, пылью и тишиной. Не мёртвой, а выжидающей.

Я пришла туда одна. Обходила территорию, фотографировала на телефон не как дизайнер, а как свидетель. Трещины в кирпиче, похожие на морщины. Граффити, которые не были вандализмом, а были летописью: имена, даты, отчаянные признания в любви к музыке, к свободе, друг к другу. Я видела остатки чьей-то жизни — окурки на подоконнике, пустую бутылку из-под дешёвого портвейна, детский мячик, закатившийся в угол.

У одного из цехов я наткнулась на ребят. Человек пять, чуть старше меня. Они развешивали на верёвке между колонн огромный, метров десять в длину, холст. На нём был изображён старый рабочий, смотрящий прямо на зрителя, а за его спиной проступали контуры новых, стеклянных зданий. Это была не протестная агитка. Это была грустная, мощная элегия.

— Красиво, — сказала я, подходя ближе.

Парень в краске с головы до ног, который руководил процессом, обернулся.

— Спасибо. А ты кто?

— Карина. Граффити. Просто смотрю.

— А, Карина! Ты та самая, что с Киселёвым-младшим водишься? — спросила девушка с синим ирокезом, не отрываясь от закрепления угла холста.

Слухи разнеслись быстро. Я почувствовала, как настороженность повисла в воздухе.

— Вожусь — громко сказано. Он... интересуется.

— Интересуется, как бы побыстрее снести, — мрачно бросил парень. — Мы тут всё про его семейку знаем. Старый Киселев ещё год назад пытался нас отсюда выкурить. Предлагал копейки за мастерские. Мы не ушли. А теперь, говорят, наследник решил по-тихому разведку провести. Через местную.

Я сглотнула.

— Он не хочет сносить всё. У него есть другой проект.

— Ой, да? — ирокез засмеялась без веселья. — А нам его папенька в прошлом месяце официальное уведомление прислал — до конца квартала освободить помещения. «В связи с реконструкцией». Какая нафиг реконструкция, если они собираются всё к хуям развалить?

— Его проект — это реконструкция. С сохранением части корпусов. Под мастерские, галереи.

Все они перестали заниматься холстом и смотрели на меня теперь с откровенным недоверием.

— И ты в это веришь? — спросил главный парень. — Они все такие. Сначала втереться в доверие, всё разузнает, а потом бац — и бульдозеры. Ты у него что, на содержании? Он тебе студию пообещал за то, что ты нас сдашь?

Гнев ударил в виски.

— Я никого не сдаю! И я не на содержании. Я сама по себе. И его проект... я видела чертежи.

— Чертежи, — с презрением повторил парень. — Бумага всё стерпит. А мы здесь уже пять лет. Мы здесь дышим этой пылью, спим на этих матрасах, рожаем искусство из этого хлама. Наше искусство! И мы не позволим какому-то мажору, которому вдруг захотелось поиграть в мецената, решать его судьбу! У тебя есть два варианта, девочка. Либо ты с ними, либо с нами. Третьего не дано.

Это был ультиматум. Прямой и жёсткий, как удар кирпичом. Я посмотрела на их лица — уставшие, озлобленные, но преданные этому месту до мозга костей. Это были мои люди. Художники, бунтари, те, кто создавал вопреки. А он... он был по ту сторону баррикады. Даже с самыми лучшими намерениями.

— Я... мне нужно подумать, — выдохнула я и, не дожидаясь ответа, повернулась и ушла.

Весь день меня разрывало. С одной стороны — Руслан с его горящими глазами и тайными чертежами. С другой — Марк и его ребята, чья правда была выстрадана годами. Кому верить? Где правда? И где моё место?

Вечером я не выдержала и написала ему. Коротко: *«Встреча. Завтра. 19:00. Наши сквер. У качелей.»*

Он ответил мгновенно: *«Буду.»*

На следующий день я пришла раньше. Сидела на той же скрипучей качели, где всё и началось. Он пришёл точно, без опоздания. Выглядел измотанным. Под глазами были тени.

— Привет, — сел на соседнюю качелю. — Что решила?

— Сначала ты ответь. Правда, что твой отец разослал художникам уведомления об освобождении помещений?

Он помрачнел.

— Да. Это был его ход, чтобы форсировать события. Я узнал позже. Я пытаюсь это оспорить, но юридически... это в его правах.

— А что будет с этими людьми, если даже по твоему проекту часть зданий сохранится? Они войдут в твои «арт-пространства»? Или ты заселишь туда модных дизайнеров из Европы?

Он смотрел на свои руки.

— Я... не продумал этот момент до конца. Для меня это были абстрактные «художники». Твои коллеги. Я думал...

— Ты думал, что можно всё красиво упаковать в концепцию, да? — голос мой дрогнул. — А для них это не концепция! Это их дом! Их жизнь! Они там живут, Марк, тот парень, он

пять лет в цеху без отопления спит, чтобы платить за материалы для своих картин! И теперь ты приходишь и говоришь: «Всё будет хорошо, я вас сохраню». А как? Ты предлагаешь им легальность, но по твоим правилам. По правилам твоего мира. А они по этим правилам играть не умеют. И не хотят.

Он слушал, не перебивая. Потом поднял на меня глаза. В них была боль.

— Ты права. Я был слеп. Я видел кирпичи, а не людей. Но я могу это исправить. Мне нужен проводник к ним. Мне нужно, чтобы ты помогла мне с ними поговорить. Не как заводчатель. Как... партнёр.

— Они тебе не поверят. После тех уведомлений...

— Тогда мы должны предложить им что-то такое, во что они поверят. Не на словах. На деле.

— Например?

— Например, — он сделал паузу, — немедленно приостановить действие этих уведомлений. Я могу это сделать. У меня есть рычаги, чтобы заморозить процесс на время слушаний. И... мы можем начать прямо сейчас. Не ждать решений. Сделать что-то вместе. Здесь. В городе. Чтобы они увидели, что я не враг. Что я готов не только брать, но и отдавать. Помогите мне, Карина. Помогите найти общий язык.

В его голосе звучала такая отчаянная искренность, что мне захотелось верить. Но горький опыт Марка сидел в голове занозой.

— Они боятся, Руслан. Они боятся быть использованными и выброшенными. Как я.

— Я знаю, — тихо сказал он. — И я боюсь. Боюсь, что всё, к чему я сейчас пришёл, окажется иллюзией. Что я снова окажусь в том золотом ящике, из которого ты меня... вытащила. Я не хочу назад. Помогите мне не отступить.

Мы сидели в темнеющем сквере, два заложника собственных миров, которые внезапно оказались слишком тесными. Я думала о маминых словах про ломаную линию. Может, он и был одним из её острых углов. Может, чтобы не сломаться, нужно было не уворачиваться, а научиться его обходить. Или даже — использовать как опору.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я помогу. Но по моим правилам. Первое: мы идём к ним завтра. Я, ты. Без охраны, без галстуков. Второе: ты слушаешь. Всё, что они скажут. Даже самое жёсткое. Третье: мы не даём пустых обещаний. Только конкретные действия. Согласен?

Он кивнул, и в его глазах вспыхнула надежда.

— Согласен. А что насчёт презентации для слушаний?

— Сначала договорись с Марком. Потом будем думать о презентациях. Нельзя говорить о людях, не поговорив с ними. Договорились?

— Договорились.

Он протянул руку для рукопожатия. Я посмотрела на неё, потом медленно вложила свою ладонь в его. Его пальцы были длинными, сильными, чуть холодными. Но рукопожатие было твёрдым.

— Завтра, — сказала я. — В четырнадцать. У главного входа в «Октябрь». Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Он ушёл, а я осталась сидеть на качелях, чувствуя, как тепло от его ладони медленно тает на моей коже. Я только что заключила сделку с дьяволом? Или дала шанс ангелу, который заблудился в собственном раю?

В кармане завибрировал телефон. Лена.

— Ну что, как твой Ромео? Не снёс ещё твой балкон?

— Пока нет, — устало усмехнулась я. — Но завтра мы идём на баррикады. В буквальном смысле.

— Ты в порядке?

— Не знаю. Но, кажется, я нашла улицу, по которой стоит идти. Даже если она ведёт напрямиком на минное поле.

— Береги себя, дура. Зови, если что.

— Позову.

Я поднялась с качелей и пошла домой. Впереди был самый трудный разговор в моей жизни — попытка примирить две армии, которые уже считали друг друга врагами. И я была единственным мостом между ними. Хрупким, шатким, наспех сколоченным из досок собственных сомнений и его хрупкой надежды. Завтра мы проверим, выдержит ли он наш вес.

Глава 11

Четырнадцать ноль-ноль. Я стояла у чугунных ворот «Красного Октября», чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Рядом, невозмутимый, как скала, стоял Руслан. Он был в простой чёрной футболке и джинсах, на ногах — те же кроссовки, что и в гараже, теперь уже основательно потрёпанные. Он не смотрел на часы, не проявлял нетерпения. Просто смотрел на ржавые буквы над воротами.

— Они могут не прийти, — сказала я, больше чтобы прервать тягостное молчание.

— Придут, — ответил он без колебани

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.